

СТРУКТУРА ПРОПОЗИЦИИ И ЕЕ ТРАНСФОРМАЦИЯ
(на материале высказываний детей с первичным недоразвитием речи)

Осетрова Елена Валерьевна,
Красноярский государственный педагогический университет
им. В.П. Астафьева, Красноярск, Россия
Самойленко Марина Анатольевна,
Красноярский государственный педагогический университет
им. В.П. Астафьева, Красноярск, Россия

Аннотация

В центре внимания авторов находится семантическая структура высказывания. **Объектом** исследования является высказывание ребенка с первичным недоразвитием речи, а **предметом** – его семантическая структура.

Цель исследования – исчисление вариантов семантической трансформации данной структуры в высказываниях, авторами которых являются русскоязычные дети с первичным недоразвитием речи (ПНР). На разных этапах исследования, в зависимости от поставленных задач, использовались следующие **общенаучные методы**: анализ, синтез, обобщение, классификация; описание, сравнение, индукция; а также **лингвистические методы** – семантического, стилистического и функционального анализа. В **результате анализа** выявлены шесть вариантов трансформации событийных пропозиций различных типов: редукция, маркирование, субституция, дублирование, дискреция и контаминация. Кроме того, представлены факты восстановления структуры пропозиции, которое осуществляется детьми посредством трех операций: компенсации, сортировки и комплектации. Авторы трактуют это как свидетельство языковой и речевой активности ребенка, когда он, нацеленный на речевое общение и реагирующий на адресата, стремится как можно более точно передать запланированное содержание.

Ключевые слова: детская речь, первичное недоразвитие речи, семантика высказывания, пропозиция, актант

Постановка проблемы

Наблюдения за устной практикой детской речи показывают, что ребенок довольно часто описывает актуальную ситуацию или событие с общим либо частичным нарушением их содержательной структуры и, как следствие, с нарушением структуры высказывания. Одновременно он предпринимает более или менее интенсивные усилия для того, чтобы передать запланированное содержание, даже если арсенал его языковых средств небогат и несовершенен. Это принято описывать в терминах «языковая / речевая ошибка», «языковой / речевой недочет», «языковой / речевой сбой», «языковой / речевой самоконтроль» и т.п., связывать с процессами освоения языка, развития речи, приобретением коммуникативных компетенций, навыков – и исправлять, ориентируясь

на нормированные лексические и грамматические формы. Между тем понятно, что многие формальные недочеты имеют содержательную, или семантическую, природу, без понимания которой невозможно эффективно корректировать и совершенствовать речь ребенка, особенно имеющего те или иные особенности развития.

Для исследования обозначенной проблемы в качестве *материала* выбрана устная речь, включающая высказывания детей с первичным недоразвитием речи (далее – ПНР). С учетом этого для письменной передачи устной речи использованы обозначения, принятые в работах по разговорной речи (см., в частности, [Разговорная речь 1978; Китайгородская, Розанова 1999: 9–12; Китайгородская, Розанова 2010: 37–39]).

Тотальное, или общее, первичное недоразвитие речи у детей представляет собой неоднородную совокупность симптомов, проявляющихся на разных языковых уровнях: фонетическом, лексическом, морфологическом, синтаксическом [Балчиониене, Корнев 2017]. Наблюдаемая в данном случае группа носителей русского языка от 5 до 9 лет вписывается по данному параметру в границы детского возраста, общепринятые в психологии (3-11 лет) [Шаповаленко 2005], что позволяет различать речевые дефекты и варианты возрастной нормы.

В современной онтолингвистике (отрасли языкознания, занимающейся изучением языка ребенка в его становлении) особое место занимают работы, отражающие специфику организации высказываний детей с различными особенностями речевого развития. Интерес для лингвиста представляет уже не только своеобразие речевого материала, полученного от детей, развивающихся в ситуации многоязычия [Вихрова, Лыпкань 2023; Елисеева 2021; Ликари, Перотто 2021 и др.], но и высказывания детей с различными вариантами речевого и психического дизонтогенеза [Абросова 2022; Сизова 2022 и др.].

Для проведения исследования использованы расшифрованные аудиозаписи индивидуальных бесед логопеда с детьми с первичным недоразвитием речи (личный архив М.А. Самойленко); период сбора материала – сентябрь 2019 г. – ноябрь 2022 г.; объем материала – 718 текстов бесед; число информантов – 187. Тексты различны по объему и включают от 3 до 57 самостоятельных высказываний ребенка (среднее число таких высказываний в тексте – 23).

В ходе анализа выявлены содержательные и структурные особенности построения высказываний, продуцированных детьми с ПНР в процессе педагогических бесед с логопедом; эти особенности в разной степени проявляются у каждого ребенка – участника исследования.

С учетом вышесказанного, в качестве *объекта* лингвистического исследования определена содержательная (семантическая) структура высказывания, точнее, структура пропозиции; а *целью* анализа становится исчисление вариантов семантической трансформации данной структуры – в высказываниях, авторами которых являются русскоязычные дети с первичным недоразвитием речи.

Метод исследования

В качестве основного метода здесь применен семантический, точнее, семантико-синтаксический метод, используемый в когнитивной лингвистике, в границах логического анализа языка, реконструкциях языковой картины мира – исследованиях, направленных на описание содержательного устройства языка. Одной из основных

единиц и одновременно инструментом соответствующего анализа становится понятие пропозиции, введенное в широкую научную практику Н.Д. Арутюновой [Арутюнова 1976; 1999], определяемое как языковое воплощение некоего положения дел в действительности, как языковой аналог ситуации или события, оформленный в границах высказывания [Шмелева 1994: 7–12].

Выделяются логические пропозиции, предьявляющие ту или иную умственную операцию как понимание носителем языка характера связи между процессами, событиями, ситуациями (далее – ЛП), и событийные пропозиции (далее – СП), на которых и сосредоточено основное внимание в данном случае, поскольку именно они преобладают в исследуемом материале: среднее число пропозиций, используемых ребенком в высказываниях в течение одной беседы – 27 событийных и 11 логических пропозиций.

Событийная пропозиция не просто отражает какое-либо явление действительности, но портретирует его, интерпретируя происходящее с его участниками и создавая языковые модели событий. Основным средством выражения пропозиции является глагольный предикат, однако она может иметь и другие формы выражения: существительное, прилагательное, наречие – более того, может быть дана имплицитно. Один из сводных списков событийных пропозиций (существование, действие, движение и др.), специфицированных по сферам (физическая, психическая, ментальная, социальная), предложен в [Шмелева 1994]. При этом важно учитывать то, что классификация и содержание пропозиций, во-первых, во многом остаются предметом свободных толкований (см., в частности, [Кошкарева, Бакайтис 2021; Осетрова 2010; 2012: 40–41]), а во-вторых, определяются и детализируются а) внутренним составом их элементов – актантами (языковые аналоги участников ситуации), сирконстантами – локативом и темпоративом (языковые аналоги реальных обстоятельств), квалификативами (языковые аналоги характеристик и свойств элементов ситуации) и, кроме того, б) факультативными припропозитивными категориями – квантитативностью, негацией, фазисностью и интенсивностью (аналоги типичных аспектов осмысления ситуации).

Результаты исследования

Стандартная реализация структуры пропозиции

Варианты семантической трансформации пропозиции рассмотрены здесь на фоне стандартной реализации пропозиции в высказываниях детей с ПНР.

Под стандартной реализацией пропозиции в данном случае понимается реализация конкретной пропозиции в типичном, ожидаемом наборе ее элементов и форм – собственно пропозитивном, внутрипропозитивном (актанты, сирконстанты, квалификативы) и припропозитивном. При этом важно соответствие пропозитивной структуры не только содержанию описываемой ситуации (в том числе – в случае сложной ситуации – соответствие числу составляющих ее более элементарных ситуаций и их взаимосвязям), но и соответствие высказывания естественным обстоятельствам общения.

Стандартная реализация событийной пропозиции отмечена, когда ребенок оформляет пропозицию уместно, учитывая предыдущие реплики и пользуясь набором «обязательного минимума» семантических элементов; см. примеры:

(1) *Кошка на окошке сидела* // (Кристина, 6 лет) [СП физического местоположения – с экспликацией самой пропозиции (*сидела*), субъекта местоположения (*кошка*) и локатива (*на окошке*)];

(2) Логопед. *Расскажи про кошку* //

Ребенок. *Она умеет кусаться / драться* // (Кристина, 6 лет) [СП физического агрессивного действия как способности – с экспликацией самой пропозиции (*умеет кусаться, драться*) и субъекта действия (*она*)];

(3) *Кошечка... Хочу / чтобы она здесь жила* // (Аня, 6 лет) [модальная пропозиция волеизъявления с инкорпорированным в структуру предиката автором-субъектом волеизъявления (*хочу*), ЛП цели (*чтобы*) и СП физического существования – с экспликацией самой пропозиции (*жила*), субъекта существования (*она*) и локатива (*здесь*)];

(4) *Маркиз поел* // *Съел сосиски / и выпил молоко* // (Вова, 7 лет) [СП восприятия пищи интегрирующего типа (*Маркиз поел*), и две пропозиции, детализирующие первую за счет описания способов и объектов восприятия (*Съел сосиски / и выпил молоко* //)].

Трансформации содержательной структуры пропозиции

Трансформация пропозиции, как показал исследованный материал, может происходить, во-первых, с разной степенью изменения ее стандартной структуры и, во-вторых, с использованием разных вариантов такого изменения. Детализируем этот тезис, используя примеры из собранной картотеки.

Выделены три степени изменения стандартной структуры пропозиции.

1. Трансформация частных характеристик или параметров не выходит за границы семантики того или иного элемента, при том что сам элемент сохранен в структуре высказывания. Такие случаи можно соотнести с квалификацией языкового недочета в системе традиционной оценки языковых компетенций. С позиций семантических подобные трансформации заметны, например,

· когда изменена актантная роль языкового участника ситуации:

(5) Логопед. *Кого ты видела в цирке?*

Ребенок: *Мартышки / слоны // змея* // *И это... Кошке шапку надели* // (Лиза, 7 лет) [реконструированный стандартный вариант: *Мартышек / слонов / змею* // <...>].

Видно, как ребенок реализует актантную роль субъекта в именительном падеже – некий языковой инвариант для описания и называния живых и неживых предметов окружающего мира – вместо использования более сложной для оформления актантной роли перцептива как объекта восприятия в винительном падеже, заданного вопросом педагога (*Кого <...> видела <...>?*);

· когда изменена актуальная характеристика пропозиции – соотнесение действия, в ней представленного, – с ситуацией речи по параметру времени:

(6) Логопед. *Почему он [мальчик] грустит?*

Ребенок. *Потому что котенок нет* // (Богдан, 6 лет) [реконструированный стандартный вариант: *Потому что котенка не будет* //].

2. О более существенном изменении структуры пропозиции можно говорить, когда в результате происходит замена семантического элемента в целом, то есть когда в определенной позиции на месте ожидаемого элемента использовано нечто другое. Как показывает анализ, дети реализуют несколько типичных вариантов такой трансформации.

Редукция элемента является наиболее кардинальным способом изменения ребенком языковой модели ситуации в обозначенных границах и состоит в удалении того или иного элемента из пропозитивной структуры; см. примеры:

(7) *Кошка смотрела-смотрела // Потом ... упала //* (Кристина, 6 лет) [редуцирована актантная позиция объекта; реконструированный стандартный вариант: *Потом кактус упал //*];

(8) Ребенок (пишет букву «И»). *Тут еще один ... еще вот тут // Надо еще один ... букву «И» //* (Даник, 7 лет)

Логопед. *Еще один крючок / да?* [редуцирована актантная позиция объекта; реконструированный стандартный вариант: *Тут еще один крючок ... еще вот тут // Надо еще один крючок к букве «И»//*];

(9) Логопед. *Расскажи / кого в какой домик / ты поселишь?*

Ребенок. *Жираф ... тут //* (Даник, 7 лет) [редуцирована событийная пропозиция физического существования; реконструированный стандартный вариант: *Жираф будет жить тут //*].

Маркирование позиции элемента – без его прямой номинации – достигается через использование местоимений, местоименных наречий или других слов в подобной функции. Это демонстрируют следующие примеры, в которых определенная «клетка» как будто фиксирована в структуре пропозиции, но не заполнена:

(10) *Собака спала / возле котика дома // А кошка хотела уронить... Она уронила... Она уронила его //* (Аня, 6 лет) [маркирована, но не номинализована актантная позиция объекта; реконструированный стандартный вариант: *Она уронила цветок //*];

(11) *Теперь шкаф // Потом я спрятались уголок // Теперь я спрятались туда //* (Богдан, 6 лет) [маркирована, но не номинализована сирконстантная позиция локатива; реконструированный стандартный вариант: *Теперь я спрятался под кроватью //*];

(12) *Киса сделала ...* (Таисия, 5 лет) [маркирована, но не названа конкретная СП физического действия с объектом; реконструированный стандартный вариант: *Киса сбросила кактус //*]. Здесь глагол *делать* как указывающий на некое действие, на совершенный акт, но не называющий его, фактически выполняет функцию глагольного местоимения.

Субституция как вариант изменения содержания пропозиции наблюдается в случае подстановки на одну из ее структурных позиций элемента, имеющего по сравнению с искомым сходную часть значения и/или сходную функцию, но не совпадающего в референтном отношении либо в аспектах семантической интерпретации. Этот способ трансформации на репрезентативном уровне языка фиксируется при замещении слова *альбом* на слово *книжка*, *фломастеры* – на *карандаши*, *шорты* – на *штаны*; *табурет* – на *стул*; *налево* – *направо*, *вчера* – *завтра*; *ползти* – *идти*, *рисовать* – *красить*; *слабый* – *легкий*; и т.п.; например:

(13) (на рисунке, который описывает ребенок, изображена река) *Утка и петух пошли пить в бассейн воду и плыть на другой берег //* (Даня, 6 лет) [заменен сирконстант – локатив; реконструированный стандартный вариант: *Утка и петух пошли пить из реки воду <...> //*];

(14) Логопед. *Какой у арбуза запах?*

Ребенок. *Сочный* (Илья, 6 лет) [заменен квалификатив; реконструированный стандартный вариант: *сладкий / свежий*];

(15) *Он был тяжелый / а ветка была слабая / а воробешки слабые //* (Лиза, 7 лет) [заменен квалификатив; реконструированный стандартный вариант: <...> *а воробушки легкие*];

(16) Логопед. <...> *Или с ней [с кошкой] что-то случилось?*

Ребенок. ... *Палка бил лицо //* (Илья, 6 лет) [реконструированный стандартный вариант: *Грабли ударили ее по мордочке*]. В данном случае заменен комплекс элементов: СП физического воздействия (*ударить*) на СП целенаправленного воздействия (*бить*), а также актантные позиции инструмента (*грабли* – на *палка*) и партитива (*мордочка* – на *лицо*).

3. Наконец, наиболее кардинальная трансформация затрагивает общую структуру пропозиции.

Регулярно в этом случае воспринимающий высказывание наблюдает процесс распада целостной семантической, и отсюда – формальной структуры высказывания, на отдельные составляющие – процесс, названный здесь дискрецией; см. пример:

(17) *Потом уже ... потом упала ... кактус ... кошка разбила //* (Кристина, 6 лет) [разделена на элементы СП деструктивного (физического) воздействия; реконструированный стандартный вариант: *Потом кошка разбила кактус //*].

Ребенок, как видно, представляет событие через его отдельные составляющие: сначала фиксирует его причинно-следственную связь с предыдущим событием (ЛП следствия, выраженная наречием (*потом*)); затем дополняет ее описанием падения (СП физического движения (*потом упала*)); далее обозначает падающий предмет (актантная роль объекта (*кактус*)) и, наконец, концентрирует усилия на описании деструктивного действия (актантная роль субъекта и СП деструктивного действия (*кошка разбила*)).

Другой пример обращения ребенка с еще более сложным пропозитивным комплексом демонстрирует следующий фрагмент:

(18) *Я еще написать не знал / что тут написать нужно ... в телефоне //* (Богдан, 6 лет) [смешаны и затем разделены на элементы две СП интеллектуального состояния и речевого действия; реконструированный стандартный вариант: *Я еще не знал / что нужно написать в телефоне //*].

В данном случае наблюдается сначала процесс контаминации двух пропозиций в пределах одной структуры, при том что пропозиция речевого действия в форме инфинитива поставлена на позицию делибератива – объекта интеллектуального обладания (*Я еще написать не знал*; ср.: *Я еще Маицу не знал*), затем еще раз, но уже в автономных границах обозначена пропозиция речевого действия, осложненного модальностью необходимости (*что тут написать нужно*) и в завершение как результат дискреции репрезентирован локатив (*в телефоне*).

Таким образом, выявленные варианты общей трансформации пропозитивной структуры высказывания, хотя и связаны с дополнительным временем и усилиями, затрачиваемыми на формирование высказывания, дают ребенку возможность передать содержание события.

Трансформации языковых форм пропозиции

Представляется, что не все отклонения от реализации стандартного варианта пропозиции и высказывания в целом связаны с его семантической базой. Наблюдаются трансформации, в основе которых лежит реакция прежде всего на языковую форму.

Это демонстрирует следующий фрагмент беседы, в границах которого ребенок, предпринимая дублирование падежного окончания предыдущего существительного и не учитывая параметр склонения, допускает ошибку в окончании следующего слова:

(19) *Мишка будет жить / вместе с тигром и собаком //* (Аня, 6 лет) [реконструированный стандартный вариант: *Мишка будет жить / вместе с тигром и собакой //*].

К формальной трансформации следует отнести и те случаи, когда очевидна редукция одного из элементов грамматической формы, например:

(20) *Бабочка кружился маком //* (Костя, 6 лет) [реконструированный стандартный вариант: *Бабочка кружилась над маком //*].

В приведенном высказывании удален предлог *над* из аналитической формы творительного падежа, которая таким образом явно конструктивно упрощена, однако, легко восстанавливается до нормы.

Восстановление структуры пропозиции

Важно отметить, что наряду с многочисленными вариантами семантической и формальной трансформации собранный материал демонстрирует случаи регулярного восстановления детьми с ПНР структуры стандартного высказывания, ориентированного на языковую норму, по крайней мере, их устойчивое стремление двигаться в этом направлении. Это подтверждает и многолетняя практика одного из авторов статьи, работающего с такими детьми.

В данной связи формулируется проблема условий восстановления структуры содержания высказывания, а именно, структуры пропозиции, рассмотренная здесь в двух аспектах: речевой режим, в границах которого проходит данный процесс, и направления его реализации, которые представлены списком совершаемых ребенком операций.

Что касается режимов, организующих речевые рамки корректировки структуры высказывания, следует иметь в виду «реактивный» и «инициативный» варианты.

Первый из них – «реактивный» (с позиции ребенка) – состоит в стимулировании такой корректировки со стороны взрослого, а потому ее результат более прогнозируем. Взрослый, используя своеобразную «подсказку», наводящие вопросы, а по сути, маркируя позицию элемента без его прямой номинации, с помощью вопросительных местоимений, «открывает» семантические «клетки», которые должны быть заполнены ребенком; см. фрагмент обучающего диалога:

(21) Логопед. *Что дед попросил?*

Ребенок: *Испеки!*

Логопед. *Что «испеки»?*

Ребенок: *Испеки колобок!* (Костя, 6 лет).

В примере выше видно, как пошагово идет восстановление событийной пропозиции физического действия: сначала ребенок, реагируя на вопрос педагога, называет само действие (*Испеки!*), а затем и его объект (*Испеки колобок!*).

Второй режим – «инициативный» со стороны ребенка – имеет в основе внутренний стимул, когда он, понимая несовершенство собственного высказывания, самостоятельно восстанавливает содержание, стремится к реализации его более совершенного варианта, корректируя неверную структуру и элементы, либо достраивая их с помощью разных способов, типовых операций. Материал демонстрирует использование, по крайней мере, трех таких операций.

Наиболее простой способ восстановления содержания до необходимого представляет операция дополнения отдельного элемента к уже оформленной части пропозиции, которую ребенок в первоначальном виде, видимо, ощущает как содержательно не совсем полноценную. Это возмещение, уравнивание семантической структуры за счет присоединения сирконстанта, актанта или реже – предиката – названо компенсацией; см. пример компенсации локатива в пропозиции физического действия:

(22) *Ира взяла юбку... из ящика* // (Костя, 6 лет).

Другой случай реконструкции можно наблюдать, когда ребенок как будто начинает осуществлять сортировку имеющихся у него сходных элементов, пытаясь подобрать наиболее точный с его точки зрения. Здесь мы видим уже не единичный акт-результат успешного, хотя и произведенного с небольшой заминкой, языкового подбора (как выше), а процесс эксплицитного языкового поиска; см. два примера: в одном из них очевидна двухэтапная сортировка ролевых характеристик актанта, а в другом трехэтапная сортировка собственно пропозитивных элементов, когда первоначальные варианты заменяются на более точные:

(23) Логопед. *А это что за рисунок?*

Ребенок (показывает на рисунок). *Это семья делали ... Семейю ... [рисовали]* (Богдан, 6 лет) [актантная роль субъекта меняется на роль объекта];

(24) *Киса сделала... толкнула... двинула* // (Таисия, 5 лет) [СП неопределенного физического действия сначала модифицирована в пропозицию направленного интенсивного воздействия, а затем в пропозицию перемещения].

Наконец, еще одна операция, обеспечивающая восстановление структуры пропозиции, определена здесь как комплектация. Она, как говорилось выше, может реализоваться, в частности, в реактивном режиме как ответ на поставленную педагогом игровую задачу – распределить трех игрушечных героев в кукольном домике и описать каждую из созданных ситуаций, мотивируя такое распределение:

(25) [1] *Киска третий / потому что...* [2] *Слона / потому... потому что он хочет жить на втором этаже* // [3] *Хрюшку в третью / потому что он хочет тоже жить на третьем этаже / вместе со слоном и котенком* //.

Видно, что на первом этапе реализации сложной структуры, которая должна включать пропозицию местоположения, пропозицию желания (содержание которого – обретение некоего местоположения) и объединяющую их логическую пропозицию причинности, частично реализованы только элементы местоположения (*Киска третий*) и причинности (*потому что*). При повторном описании аналогичной ситуации обозначенными, хотя и с погрешностями, оказываются уже все три искомые пропозиции. Причем пропозиция желания, полностью отсутствующая в первом случае, на этот раз выражена содержательно и конструктивно полноценно (*он хочет жить на втором этаже*). Наконец, на третьем этапе ребенок, в целом полно, редуцируя лишь предикат местоположения (*Хрюшку в третью*), комплектует структуру пропозиции, восстанавливает ее.

Выводы

В результате анализа лингвистического материала выявлены шесть вариантов (способов) трансформации пропозиции как содержательной структуры высказывания

(редукция, маркирование, субституция, дублирование, дискреция и контаминация) и три степени «глубины» такого изменения (затрагивающего отдельный семантический параметр, элемент пропозиции либо структуру пропозиции). Замечено, что трансформация пропозиции в высказываниях детей 5–9 лет с ПНР идет в направлении упрощения ее содержания и оформления и, как следствие, в направлении упрощения высказывания. Кроме того, проявляется комплексная трансформация семантических элементов в границах высказывания, когда, по сравнению с его стандартной реализацией, изменения идут в нескольких направлениях (например, дискреция и редукция), одновременно затрагивающих несколько элементов пропозиции. Все это можно трактовать не только как результат более или менее затрудненного обращения детей с языковой структурой высказывания, но и как результат их языковой адаптации.

В том же материале обнаружены факты восстановления структуры пропозиции, которое организовано в рамках «реактивного» либо «инициативного» речевого режима и реализуется детьми посредством трех операций (компенсация, сортировка и комплектация). Это является свидетельством языковой и речевой активности, готовности совершать языковые усилия и представлении о некоем языковом стандарте, когда ребенок, во-первых, стремится как можно более точно передать запланированное содержание, а во-вторых, учитывает своего собеседника, будучи нацеленным на общение и коммуникацию.

© Осетрова Е.В., Самойленко М.А., 2023

Литература

Абросова Е.В. Сравнительные конструкции с союзом «как» в речи ребенка с ОНР / Е.В. Абросова // Проблемы онтолингвистики – 2022: речевой мир ребенка (универсальные механизмы и индивидуальные процессы): Материалы ежегодной международной научной конференции, Санкт-Петербург, 19–21 апреля 2022 года. Санкт-Петербург: Издательство «ВВМ», 2022. С. 160–165.

Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. М.: Наука, 1976. 384 с.

Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.

Балчиюниене И.Й., Корнев А.Н. Анализ нарративов у детей с недоразвитием речи // Специальное образование. 2017. № 3. С. 32–43.

Вихрова А.Ю., Лыткань Т.В. Время начала озвончения взрывных смычных согласных в устной речи монолингвов в России // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. №9. С.2740–2751.

Елисеева М.Б. Макартуровский опросник как инструмент диагностики лексики детей-билингвов // Вестник Череповецкого государственного университета. 2021. №2 (101). С. 33–46. Doi: 10.23859/1994-0637-2021-2-101-3

Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Речь москвичей: Коммуникативно-культурологический аспект / Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова. М., 1999. 396 с.

Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Языковое существование современного горожанина: На материале языка Москвы. М.: Языки славянских культур, 2010. 496 с.

Кошкарева Н.Б., Бакайтис И.И. Изосемические высказывания с семантикой качественной характеристики и их неизосемические экспрессивные синонимы // Сибирский филологический журнал. 2021. № 1. С. 293–307.

Лицари К., Перотто М. Специфика речи двуязычных детей из семей русских немцев, живущих в Германии // Русистика. 2021. №2. С. 180–190.

Осетрова Е.В. Статус пропозиции в русской и английской грамматике: типы существования и обладания // Лингвистические идеи В.А. Белошапковой и их воплощение в современной русистике: Коллективная монография. – Тюмень: Мандр и Ка, 2010. С. 150–155.

Осетрова Е.В. Манифестация факта в русском высказывании, или Событие выражения / Сибир. федерал. ун-т. Красноярск, 2012. 275 с.

Русская разговорная речь: Тексты. М.: Наука, 1978. 306 с.

Сизова О.Б. «Два по цене одного»: одна (или две?) модели порождения лексических инноваций в детской речи / О.Б. Сизова // Проблемы онтолингвистики – 2022: речевой мир ребенка (универсальные механизмы и индивидуальные процессы): Материалы ежегодной международной научной конференции, Санкт-Петербург, 19–21 апреля 2022 года. Санкт-Петербург: Издательство «ВВМ», 2022. С. 166–174.

Цейтлин С.Н. Язык и ребенок: Лингвистика детской речи: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Гуманит. издат. центр «ВЛАДОС», 2000. 240 с.

Шаповаленко И.В. Возрастная психология (Психология развития и возрастная психология). М.: Гардарики, 2005. 349 с.

Шмелева Т.В. Семантический синтаксис: Текст лекций из курса «Современный русский язык» / Краснояр. гос. ун-т. Красноярск, 1994. 47 с.

Сведения об авторах:

Осетрова Елена Валерьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры современного русского языка и методики, ФГБОУ ВО КГПУ им. В.П. Астафьева

Контактная информация:

660060 г. Красноярск, ул. А. Лебедевой, 89

e-mail: osetrova@yandex.ru

Самойленко Марина Анатольевна – аспирант кафедры современного русского языка и методики, ФГБОУ ВО КГПУ им. В.П. Астафьева

Контактная информация:

119334 г. Москва, Ленинский пр-т, 45, кв. 395

ORCID: 0000-0002-7213-0109

e-mail: samoylenko.marina@yandex.com

Для цитирования:

Осетрова Е.В., Самойленко М.А. Структура пропозиции и ее трансформация (на материале высказываний детей с первичным недоразвитием речи) // Вопросы психолингвистики №4(58) 2023, С. 63–74, doi: 10.30982/2077-5911-2023-58-4-63-74

UDC 811.161.1

LBC 141.12

DOI 10.30982/2077-5911-2023-58-4-63-74

Research article

**THE STRUCTURE OF A PROPOSITION AND ITS TRANSFORMATION
(based on the statements of children with primary speech underdevelopment)**

Elena V. Osetrova,

Krasnoyarsk State Pedagogical University,
Krasnoyarsk, Russia

Marina A. Samoilenko,

Krasnoyarsk State Pedagogical University,
Krasnoyarsk, Russia

Abstract

The article is devoted to the semantic structure of the utterance. The aim of the study is to analyze the variants of semantic transformation of this structure in utterances, whose authors are the children with primary speech underdevelopment (PSU). The analysis has revealed six variants of transformation of event propositions of various types: reduction, labeling, substitution, duplication, discretion, and contamination. In addition, there are presented the facts when the structure of proposition is restored by the children through three operations – compensation, sorting, and picking. The authors believe the registered phenomena are the evidence of language and speech activity of the children, when they try to convey the content as accurately as possible, and simultaneously take care of the addressee.

Keywords: children's speech, primary speech underdevelopment, semantics of utterance, proposition, actant

© Osetrova E.V., Samoilenko M.A., 2023

Bionotes:

Elena V. Osetrova – Doctor of Philology, Professor of the Department of Modern Russian Language and Methodology, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev

Contact information:

660060 Ady Lebedevoy St., 89, Krasnoyarsk, Russia, 660049

e-mail: osetrova@yandex.ru

Marina A. Samoilenko – Postgraduate student of the Department of Modern Russian Language and Methodology, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev

Contact information:

Leninsky Prospekt, 45, apt. 395, Moscow, Russia, 119334

ORCID: 0000-0002-7213-0109

e-mail: samoylenko.marina@yandex.com

For citation:

Osetrova E.V., Samoylenko M.A. The structure of a proposition and its transformation (based on the statements of children with primary speech underdevelopment) // Journal of Psycholinguistics. 4(58), 2023. P. 63–74. Available from: doi: 10.30982/2077-5911-2023-58-4-63-74 (In Russian)